

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

В. А. Сулимов

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар

Cognitive Strategies in the Modern Russian Literary Text

V. A. Sulimov

Komy State pedagogical institute, Syktyvkar

В статье рассматривается проблема выделения в литературном тексте одного из типов континуальных единиц — когнитивных стратегий. Когнитивные стратегии представляют собой способ выстраивания смысловой перспективы текста, которая основывается на качестве обнаруживаемой при интерпретации информации. Автор предлагает классификацию когнитивных стратегий, учитывающую новизну, способ презентации смысла, а также возможность интерпретации смысла адресатом текста. Классификация основывается на данных смежных научных дисциплин: культурологии, лингвистики, теории коммуникации, что предопределено объектом и задачами исследования.

In this article the author examines one of the significant aspects of literary text writing/ perception, namely the set of cognitive strategies. On the basis of cognitive-cultural approach to the linguistic analysis of a literary text he managed to distinguish three main cognitive strategies: informative cognitive strategy, cognitive-conceptual strategy and remaking strategy. The author believes that within cognitive-conceptual strategy one can distinguish three sub-groups: proper conceptual, conceptual-metaphorical and implicative. Conceptual-cognitive strategy is a characteristic feature of the proper scientific (not popular scientific) discussion having philosophical and intellectual object. Conceptual-metaphorical subgroup consists of logical-cognitive models, as well as emotional-figurative models which usually belong to the model of narrative type that differ in degree of virtual expressiveness. Implicative sub-group of strategies represent a system of obvious and implicit references to other texts, particular situational and intimating conditions, as well as appeal to a nameless addressees who are taking the form of secret subjects or objects of mental action. The main semantic feature of remaking strategy which is widely used by modern authors nowadays is reiteration, cognitive meaning which creates the effect of information novelty when there is no new information.

Когнитивные стратегии и когнитивные трансформации — это система взаимосвязанных когнитивных механизмов, позволяющих автору/читателю успешно осуществлять интерпретации по модели «смысл» — «текст» [7].

Идея множественности интерпретаций при обычном прочтении текста хорошо соотносится с идеей обязательного второго (Иного, Другого) субъекта и на этапе порождения текста, и на этапе его восприятия. Автором этой идеи считается М. Бахтин, выразивший ее в формуле: «Эстетическая и этическая объективация нуждается в могучей точке опоры вне себя, в некоторой действительно реальной силе, изнутри которой я мог бы видеть себя как другого» [2].

Появление Другого как континуального (невыводимого, недискретного) компонента текста, существенно влияющего и на его идейно-тематическое, и на структурно-семантическое единство, и на стройность (целостность) связано с легко выделяемыми этапами текстовой деятельности: порождением текста и восприятием текста. На первом этапе — в ходе порождения текста — происходит объективация субъективного в слове и создание к этому объективированному субъективно-

му слову (мнению, позиции, образу) некоторого отношения (также в словесной форме). Это объективированное автором осмысленное субъективное слово и отношение к нему есть прототип (основа, «скелет») Другого, осуществляющее свое бытие уже в ином сознании — читателя: «Выразить самого себя — это значит сделать себя объектом для другого и для себя самого («действительность сознания»)» [2]. На втором этапе — этапе восприятия текста — происходит его осмысление, где когнитивную роль Другого можно рассматривать как ориентирующую, направленную на получение максимально достоверной и (что для читателя — субъективно — практически одно и то же) личностно ориентированной информации. Для этого необходимо при помощи образа-схемы или схематической модели Другого интерпретировать текст произведения с гипотетической (возможной) точки зрения его автора: «Увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект («Ди»). При объяснении — только одно сознание, один субъект; при понимании — два сознания, два субъекта» [2].

Дихотомия семиотических позиций Я и Ты, исторически трансформировавшаяся в дихотомию Один (Ав-

тор, Читатель) и Другой (Собеседник, Соавтор), является основной дихотомией смысловой основы литературного текста. Онтологический или гносеологический смысл («изначальная» или логико-эмпирическая информация), трансформирующийся в текст в процессе текстовой деятельности, предстает в виде внутреннего диалога между ипостасями Одного и Другого. Этот внутренний диалог всегда может быть развернут по оси коммуникации Адресант — Адресат (Автор — Читатель), а также усложнен дополнительной коммуникативной позицией Наблюдателя (Компетентного Читателя), способствующего углубленной интерпретации текста. М. Бубер считал свойство вести непрерывный внутренний или внешний диалог, способность к перманентной интерпретации текстов видовым отличием человека: «Мы приблизимся к ответу на вопрос «Что есть человек?» после того, как научимся видеть в нем существо, в чьей динамической природе и органической способности быть вдвоем совершается и опознается встреча Одного и Другого» [3].

Современные литературные тексты, с этой точки зрения, представляют собой перманентный (постоянный, всегда существующий) диалог между двумя сложнейшими семиотическими образованиями, зеркально отражающими в тексте систему «смысл» — «текст».

Адресант (автор текста) представлен внутренним диалогом Один — Другой, где Другой выступает в виде обобщенного образа культуры, Адресат (читатель, слушатель, зритель текста) представлен внутренним диалогом Один — Другой, где Другой выступает в виде обобщенного образа человека культуры (автора). На другом уровне в то же время происходит координация внутренних диалогов и внешнего диалога Адресант — Адресат, где Другой обнаруживает себя в Коде (кодах) культуры. Получившаяся усложненная за счет уточнения позиций адресанта, адресата и кода модель коммуникации может быть существенно уточнена (и дополнительно усложнена) включением позиции Наблюдателя, одновременно включающей в себя все компоненты Другого — адресата, адресанта и кода — в ином — систематизированном, «технологизированном» виде (например, в виде применяемых знаний и навыков лингвокультурологической интерпретации текста).

Преодоление трудностей коммуникации, налагаемых усложненной системой «смысл — текст» на процесс порождения/восприятия текста, требовало от языкового сознания индивидуума-в-культуре (языковой личности) выдвигания на первый план особых когнитивных стратегий текстопорождения, позволяющих структурировать (насколько это возможно), иерархизировать, симметризовать и, наконец, систематизировать процесс порождения/восприятия текста.

Среди многих подходов к моделированию когнитивных стратегий текстопорождения можно выделить три: дискретные семантические стратегии — образные схемы М. Джонсона [1], уровневые процессуальные стратегии И. Мельчука [7] и прагмакогнитивные стратегии восприятия текста Т. ван Дейка [5]. Каждый из этих

подходов имеет достаточно серьезные следствия в современной семиотике и лингвистике, поэтому необходимо их рассмотреть подробнее.

М. Джонсон при конструировании лингвистического мира как мира дискретных образных схем соотносит его со схемой действия и — шире — структурой поведения (в основном моторного) носителей данного языка. Стратегия избирается на основании задачи соотнесения внешнего мира и процедуры его исследования и/или освоения: «Образная схема = это повторяющийся динамический образец (pattern), наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» [1]. Повседневный опыт передается, как правило, небольшим набором схем, которым соответствует определенный набор лексико-грамматических средств. Такова, например, образная схема ИСТОЧНИК — ПУТЬ — ЦЕЛЬ, описываемая как семантический аналог движению, имеющему «место отправления, место назначения и ряд соприкасающихся мест в промежутке» [1]. При этом все преобразования образных схем основываются на внеязыковом опыте носителя языка: двигательном, ментальном или зрительном. Следствием этого подхода является разработка лексико-концептуальных моделей порождения/восприятия текста, основывающихся на идее существования внутри человеческого сознания набора слов-концептов и, одновременно, слов-стимулов, от которых зависит когнитивная призма видения мира. Причем эти слова-концепты объединены в некоторые ситуативно-функциональные группы, ряды или гештальты, создающие все разнообразие литературных текстов.

И. Мельчук рассматривает стратегию порождения текста в системе «Смысл-Текст» в виде специфической интеллектуальной деятельности преобразования, которая, по сути дела, и является языком, истолкованным в функционально-семантическом смысле. Эта специфическая интеллектуальная деятельность имеет уровневую природу, т. е. заключается в последовательном и/или симультанном (мгновенном) переходе через три выделенных уровня функционирующего языка:

«1) инвентарь элементарных единиц смысла (сем) и правила их комбинирования в сложные смысловые единицы (семантические представления);

2) инвентарь элементарных единиц текста (морф) и правила их комбинирования в сложные текстовые единицы (словоформы, словосочетания, предложения);

1) правила, сопоставляющие любой смысловой единице соответствующие текстовые единицы — и обратно» [7].

Следствием уровневой модели порождения/восприятия текста является попытка создавать иерархии семантических и строевых единиц, объединенных общими смыслами (идеями, коммуникативными или когнитивными задачами и т. п.).

Т. ван Дейк рассматривает только одну сторону процесса порождения/восприятия текста, а именно —

стратегию понимания текста. Вместе с тем, естественно, что эти стратегии автором «закладываются» на этапе построения текста. При этом он приходит к выводу о наличии двух основных типов коммуникативных стратегий в текстах: макростратегий, отвечающих за тематическое обоснование, смысловое планирование и композиционное построение текста и микростратегий, отвечающих за смысловую цельность и семантико-синтаксическую связность текста. Следствием этой концепции стали работы по анализу текста как многоаспектного когнитивно-коммуникативного образования, сложность которого объясняется сложностью поставленных автором задач и наличием параллельных стратегий понимания текста, сопоставление результатов применения которых становится основой смысловой структуры текста [5].

Сформировался и иной — информационный — подход к изучению порождения/восприятия текста. Действительно, целевая основа отдельного высказывания и целого текста определяет способ представления информации, который можно также отнести к когнитивным стратегиям текстопорождения. Способ представления информации как когнитивная стратегия текстопорождения обладает особыми чертами, рассмотренными в работах И. Р. Гальперина и, в частности в его фундаментальном исследовании, во многом опередившем ход развития лингвистической мысли, «Текст как объект лингвистического исследования» (первое издание 1981 года) [4]. В качестве классифицирующего признака он выделяет ценность информации, что позволяет разделить информационно ценные тексты (несущие новую концептуальную или эстетическую информацию) и информационно пустые тексты, к которым можно отнести, в том числе тексты-повторы (сравни современное понятие «римейк»), если эти тексты не относятся к «сокровищнице человеческой культуры», обладающей онтологически непреходящей новизной [4]. По характеру представления информации И. Р. Гальперин различает тексты, реализующие содержательно-фактуальную информацию, тексты, несущие содержательно-концептуальную информацию и тексты, транслирующие содержательно-подтекстовую информацию [4]. Указанные три типа текстов имеют когнитивно — грамматические особенности, в частности, характер смысловой предикации (характер приписывания явлению, событию или лицу существенных признаков), характер отбора лексико-грамматических средств и иных языковых способов выражения (в частности, синтаксических и логических конструкций, интонационного рисунка, фигур и тропов, ассоциативных рядов и т. п.), способ «упаковки» текста в виде стилистических и/или жанровых рамок, коммуникативных (а теперь — и информативных — В. С.) стандартов. Эти особенности составляют в обобщенном виде особую грамматическую категорию — категорию информативности, которая обладает важнейшим признаком — градуальным (постепенно возрастающим, экспонентным) способом выстраивания опорного когнитивно-грамматического значения грамматической категории информативности — значения новизны: «Грамматическая категория информативности, пред-

ставляющая собой обязательный признак текста, может проявиться в разных формах — от нулевой, когда содержание текста не дает ничего нового, а лишь повторяет уже известное, до концептуальной, когда для ее выявления необходимо подвергнуть текст скрупулезному анализу. Между этими полюсами располагаются информации различной степени насыщенности (меры новизны)» [4]. Градуальная шкала новизны есть один из примеров применения градуальной оппозиции для наиболее сложных семиотических систем, отношения между компонентами которых не могут выражаться в простых терминах противопоставлений. В этом случае речь может идти о нестрогих противопоставлениях и неопределяемых множествах, которые объединены группой неустойчивых (изменчивых) признаков. К таким градуально противопоставленным множествам относятся выделяемые И. Р. Гальпериним когнитивные текстовые стратегии, которые при некотором уточнении и соотношении с культурологическими понятиями принимают следующий вид: когнитивная стратегия информирования и когнитивно-концептуальная стратегия.

Когнитивная стратегия информирования направлена на выделение из информационного потока фактуальной информации и обработку ее посредством сличения с (а) интенциональными (целевыми) и мотивационными (причинными) пресуппозициями языковой личности (в т. ч. — выраженными в образно-эмоциональной форме), (б) знаниевыми (фундаментальными) пресуппозициями языковой личности (в т. ч. — выраженными в визуально-ассоциативной форме) и (в) образцами текстов данного типа, изученными и/или интериоризированными языковым сознанием автора. Когнитивная стратегия информирования есть стратегия презентации новой фактической (или осмысливаемой как фактическая) информации в виде текста, который обязательно воспринимается как информативно значимый. Эта особенность восприятия фактуальной информации на практике используется электронными СМИ. На фактуально-семиотическом эффекте восприятия, например, построены не только новости на телевизионном канале, но и мнения, представленные в качестве новостей, в форме новостей, или даже — в ряду новостей, выполненные с учетом жанрово-стилистических особенностей новостной прозы СМИ (часто — снабженных архивным «новостным» видеорядом и, поэтому — воспринимающихся зрителем как фактуальная информация). Когнитивная стратегия информирования используется художественным и научным нарративом (дискурсом) с целью придания тексту большей субъективной значимости, а также используется в деловой письменной речи также с целью объективации документа и придания ему императивного характера (либо необходимости и долженствования, либо невозможности).

Когнитивно-концептуальная стратегия обеспечивает текстам наибольшую информационную ценность в силу (а) ассоциативно-образной наполненности текста (своего рода многочисленных «смысловых сгущений», требующих для своего построения/прочтения включения логико-смысловых, знаниевых и визуально-ассоциативных

пресуппозиций языковой личности), (б) большей свободе в конструировании текста и применении более широкого набора лексико-грамматических и жанрово-стилистических средств. Поэтому именно в области когнитивно-концептуальной стратегии построения текста наблюдается в каждый исторический период наибольшее нарушение устоявшихся норм не в плане разрушения (энтропии), а в плане строительства (конструирования) нового текста, имеющего более высокую смысловую наполненность за счет усиления концептуальной сферы, создания новых метафорических моделей действительности.

В пределах когнитивно-концептуальной стратегии можно выделить три субстратегии: собственно концептуальную, концептуально-метафорическую и подтекстовую (или дейктическую).

Собственно концептуальная субстратегия основывается на сложных логико-когнитивных моделях текстовых описаний, рассуждений, доказательств, имеющих достаточно изученную лингвистическую природу. Такая субстратегия особенно характерна для собственно научного (не научно-популярного) дискурса, имеющего философско-интеллектуальную цель. Вместе с тем в достаточной степени эта стратегия используется и в художественной речи, часто (особенно в современной художественной литературе) имеющей философско-интеллектуальный характер или даже интеллектуально-игровой характер. Концептуально-метафорическая субстратегия принимает как логико-когнитивные модели, так и эмоционально-образные модели, традиционно относящиеся к моделям повествовательного (нарративного) типа, которые различаются между собой степенью выраженности виртуальности. Нарративная стратегия может присутствовать в текстах и научной, и научно-популярной, и художественной сфер, в меньшей степени — в публицистике. Наконец, подтекстовая или дейктическая субстратегия представляет собой систему открытых и скрытых отсылок к другим текстам, отдельным ситуативным или аллюзивным обстоятельствам, а также обращение к неназванным персонажам речи, принимающих вид скрытых субъектов или объектов ментального действия. Она характерна для текстов художественной литературы, очень распространена в театральных текстах, в кинотекстах, а также в жанре короткой повести или длинного рассказа (как правило, с довольно скрытыми мотивами и неявным сюжетом). «Фигура умолчания» особенно характерна, как известно, именно для русской прозы.

Когнитивная стратегия информирования, включая собственно информационную и научную сферы, а также множество визуально-ассоциативных моделей презентации информации (политические кампании, PR-проекты, информационное макетирование, шоу-программы электронных СМИ и др.), и когнитивно-концептуальная стратегия с учетом всех ее субстратегий полностью закрывают пространство информационно-ценных текстов.

Существует, по видимому, еще одна стратегия, которую исследователи определяют как римейковую. Ее основной смысловой признак — вторичность, узна-

ваемая знаковость, создающая эффект новизны информации в отсутствие новой информации. Ключевую роль в этом «переодевании» играют специфические когнитивные механизмы «схлопывания» смыслов (прекращения процесса индивидуального когнитивного моделирования в системе «автор» — «читатель»), главными из которых, по всей видимости, являются механизм редукции (сюжетной, смысловой, психологической), механизм монтажа (или — точнее — перемонтажа) и механизм стилизации / осовременивания (подгоняющий текст не под когнитивную потребность новой интерпретации, а под некоторую идею маркетинговой новизны товара, имеющей собственно экономический (теория продаж) и несобственно экономический (теория пиара) потенциал [7]. Однако, для всего корпуса современных литературных текстов «римейковость» представляет собой скорее один из стилистических приемов в рамках какой-либо стратегии, чем самостоятельную стратегию. Это объясняется, на наш взгляд, двумя причинами: (а) внутренней, когнитивной — настроенностью структур языкового сознания на смысло-текстопорождение как условие собственного существования; (б) внешней, историко-культурной — негативным отношением интеллектуального (и=творческого) сообщества к «вторичности», «несамостоятельности», «следованию за».

В современных литературных текстах когнитивные стратегии могут быть пролонгированы в течение всего текста, а могут сменять друг друга в пределах небольшого фрагмента, что придает ему большую смысловую глубину. Рассмотрим фрагмент текста, обозначая доминирующую стратегию знаками КСИ (когнитивная стратегия информирования), ККС (когнитивно — концептуальная стратегия) с дополнительными пометами для собственно концептуальной субстратегии (ск), концептуально-метафорической субстратегии (км) и дейктической субстратегии (д).

«(ККС-км) Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный — от вереска до верхушек сосен, на юг — колодезь с жабами, на север — белые розы и грибы, на запад комариный малинник, на восток — черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки. (ККС-д) Говорят, рано утром на озере видели совершенно голого человека. Честное слово. Не говори маме. Знаешь, кто это был?.. — Не может быть. — Точно, я тебе говорю. Он думал, что никого нет. А мы сидели в кустах. — И что вы видели? — Все».

(Т. Толстая)

Очевидно, что в рассматриваемом фрагменте можно обнаружить по крайней мере две когнитивные стратегии, выявляемые с точки зрения (а) смысла текста; (б) информативной задачи; (в) соотношения диалога Один — Другой Адресанта и Один — Другой Адресата, отличающихся способом построения образа Другого. Две смысловые части фрагмента можно определить как

1 — метафорическое описание детства (как некоторого сада, ограниченного только естественными — природными — границами: «на юг — колодец с жабами, на север — белые розы и грибы, на запад комариный малинник, на восток — черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки»), имеющего метафорические признаки звука и света: «в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени», и иерархическую структуру: «тысячелетний — от вереска до верхушек сосен». Все границы и признаки подвижны и аморфны, запоминаются, но не осмысливаются. Информативная задача может быть сформулирована как создание системы концептов метафорическими средствами, уходя от логического к ассоциативному началу когниции.

2 — дейктическое описание ситуации, условно локализованной в описываемом мире. Ассоциативный ряд, созданный дейктическими средствами (в основном — прономинального или модального характера: Знаешь, кто это был?.. Он думал, что никого нет. И что вы видели? — Все (прономинальные элементы). Не может быть. — Точно, я тебе говорю (модальные элементы) позволяет сознанию создавать достаточно сложные ин-

терпретационные модели: от моделей библейского ряда (Адам и его история) до фрейдистских и бытовых версий (наблюдение как детская фетишизация и детское любопытство по отношению к соседу по даче). Отличия современного текста состоит прежде всего в том, что все возможные модели и версии интерпретации присутствуют в сознании читателя одновременно, создавая внутренний диалог по осмыслению текста.

Совмещение автором двух субстратегий в реализации когнитивно-концептуальной стратегии создает для читателя дополнительную стилистическую фигуру когнитивного контраста, которая, действуя подсознательно, увеличивает глубину восприятия пространства текста — делает его объемным, а время текста становится разнонаправленным, заставляя языковое сознание читателя совершать симультанные переходы большой временной протяженности. Эффект, который при этом возникает, мы назовем эффектом онтологизма литературного текста. Частое использование его в текстах современной русской литературной прозы является для нее одним из наиболее очевидных признаков.

Литература

1. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, and Reason. Chicago: Univ. Of Chicago Press, 1989.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424.
3. Бубер М. Проблема человека. Киев: Наукова думка, 1998. 327.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 144.
5. Дейк Т. А. ван., Кинч В. Язык. Познавание. Коммуникация. Стилль. М.: «Прогресс», 1989. 386.
6. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество. (Избранные труды)/под ред. С. И. Гиндина. М.: Лабиринт, 1998. 368.
7. Кузьмина Н. А. Механизмы интерпретации классического текста в «Чайке» Б. Акунина // Русский язык исторические судьбы и современность / Труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка / Сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов — М.: МАКС Пресс, 2007. 816.
8. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346.

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Международная Академия Наук (Русская Секция)
Коми государственный педагогический институт
Кафедра культурологии**

Информационное письмо

Уважаемые коллеги!

17—18 апреля 2008 года в г. Сыктывкаре состоится V Международная научная конференция «Семиозис и культура: методологические проблемы современного гуманитарного знания». В ходе работы конференции будут рассмотрены следующие вопросы:

- становление культурологической парадигмы в исследовании языка, литературы, истории;
- когнитивное моделирование текстов культуры: теоретические основы, типологии и направления поиска;
- семиотические системы и современность: знак, образ, контекст, ситуация;
- модификации знака: дискретность и континуальность;
- символические миры: история изучения и современное состояние;
- личность в системе культуры: креативность и проективность;
- политические дискурсы современной России: идеология и текст;
- проблема культурного маргинализма и эпоха интеллектуальной революции;
- текстовая деятельность в контексте информационных процессов современности.

По материалам конференции предполагается издание сборника научных статей «Семиозис и культура (выпуск 4)». Сборник научных статей будет опубликован до начала конференции.

Заявка и тексты докладов просим присылать до 1 марта 2008 года по адресу: iefadeeva@mail.ru. Требования к оформлению: кегль 14, интервал 1, объем 20.000 знаков (0,5 печ. листа), все поля 2 см. указатель литературы в конце статьи в алфавитном порядке. Ссылки в круглых скобках — номер в списке и страница через двоеточие (7:312). Оргкомитет оставляет за собой право отклонить текст публикации.

Оргвзнос в сумме 300 рублей просим высылать по адресу 167000, Сыктывкар, ул. Кутузова д. 13, кв. 117. Фадеевой Ирине Евгеньевне.

Оргкомитет